

Городок Фэнхуэй

Цзянь Мянью и Цинь Уцзю вошли в городок Фэнхуэй под багряными отблесками заката.

Городские стены снаружи выглядели жалко: щербатый камень, облупившаяся кладка, густые сети паутины. Даже сорняки и вьюны, оплетавшие стены, никто не удосужился оборвать. От всего облика веяло запустением и упадком.

Цзянь Мянью заметил, что у самых ворот в щелях между камнями застряли обрывки белых ритуальных денег. Стоило налететь порыву ветра, как бумажные кругляши закружились в воздухе, и в тусклом свете угасающего дня это придавало городку зловещий, почти призрачный вид.

Едва сгустились сумерки, как улицы вымерли. Лавки закрылись задолго до темноты; случайному путнику могло бы показаться, что он забрёл в город-призрак.

Цзянь Мянью, однако, чувствовал, что это не так. Он ощущал на себе чужие взгляды из-за закрытых ставень — в них мешались любопытство и липкий страх. Похоже, слухи о кровожадном демоне, вырывающем сердца, не на шутку перепугали местных жителей.

Немного поплутав по пустынным переулкам, путники отыскали место для ночлега — постоянный двор под многообещающим названием «Приход Весны». Впрочем, сейчас это имя звучало как злая шутка.

По обе стороны от вывески висели зеркала Багуа, а на дверной раме киноварью были начертаны кривые, нескладные знаки охранных заклятий. Всё это выглядело пугающе странно.

Будь у них выбор, они вряд ли бы здесь остановились, но Фэнхуэй был невелик, и за всё время им не попалось ни одного другого пристанища.

Цзянь Мянью долго стучал в ворота, прежде чем в створке приоткрылась узкая щель. Внезапно появившийся в темноте глаз заставил его невольно вздрогнуть.

Трактирный служка долго разглядывал незваных гостей. Увидев двух юношей — красивых, со спокойными лицами и достойными манерами, — он помедлил ещё секунду и всё же решился отпереть засовы.

Стоило Цзянь Мянью и Цинь Уцзю переступить порог, как служка тут же захлопнул дверь и загнал тяжелый запор на место.

— Проходите, господа, присаживайтесь, — засуетился он, оборачиваясь к ним. — Желаете отужинать? У нас найдётся всё, что душа пожелает.

Цзянь Мянъ заказал две чаши постной лапши и пару лёгких овощных закусок. Кивнув, мальчишка скрылся на кухне.

Разливая чай, он случайно встретился взглядом с Цинь Уцзю и тут же спохватился. Сейчас его спутник был полон сил и здоровья, и его вкусы могли разительно отличаться от тех, к которым Цзянь Мянъ привык, заботясь о больном младшем шишу.

Он досадовал на собственную оплошность. Эта невольная привычка распоряжаться по своему усмотрению могла оставить у Цинь Уцзю неприятный осадок.

— Шишу Цинь, — негромко позвал он, — тебе не по вкусу мой выбор?

— Вовсе нет, — отозвался Цинь Уцзю, отводя глаза. — Так будет в самый раз.

Цзянь Мянъ облегчённо выдохнул.

Служка оказался расторопным и быстро подал еду. Воспользовавшись моментом, Цзянь Мянъ принялся расспрашивать его о делах в городе.

Тот не узнал одеяний ордена Небесного Пути, приняв их за простых странствующих заклинателей. Рассказ его мало чем отличался от того, что Цзянь Мянъ уже знал.

— Эта нечисть бесчинствует здесь уже почти год. Кто побогаче — давно съехал, но у большинства тут корни, могилы предков... Жалко бросать нажитое, — служка нахмурился и посмотрел на него с неприкрытой тревогой. — Тварь эта лютая. Раньше бывали тут бессмертные мастера, да все и полегли от её рук. Вы ещё совсем молоды, господа. Переночуйте — и в путь. Не стоит вам в это ввязываться.

Неожиданное сочувствие от незнакомца тронуло Цзянь Мяня. Он уже открыл рот, чтобы поблагодарить, но заметил, как служка с тяжким вздохом посмотрел на улицу.

— Через два дня полнолуние, — пробормотал тот себе под нос. — Боюсь, снова прольётся кровь.

Он принялся машинально протирать стол грязной тряпичей, подавленный собственными мыслями.

— В нашем Фэнхуэе всегда покой был. За что небеса на нас такое проклятье обрушили?

Лунный свет пробивался сквозь щели в окнах, ложась на пол серебристой изморозью, но любоваться этой красотой было некому.

Наспех закончив с ужином, Цзянь Мянью попросил две комнаты.

Гостей в городе почти не бывало, и торговля шла из рук в руки. Поднимаясь по лестнице с масляной лампой, служка посетовал, что постоялому двору осталось недолго: хозяин уже подумывает закрыть лавку и бежать.

Цзянь Мянью сказал несколько слов утешения, и они с Цинь Уцзю разошлись по своим комнатам.

Спустя полчаса Цзянь Мянью осторожно постучал в дверь соседа.

Цинь Уцзю сейчас его не помнил, и юноша не хотел навязываться, боясь вызвать подозрения. Однако он прекрасно понимал: всё происходящее — ловушка Шэнь Линьфэна, направленная лично против Уцзю. Оставаться порознь было опасно.

Услышав предложение Цзянь Мянью осмотреть город под покровом темноты, Цинь Уцзю не стал возражать. Он одним движением распахнул окно, выходящее на улицу, и легко спрыгнул вниз.

«Как всегда, решителен и стремителен», — отметил про себя Цзянь Мянью и последовал за ним.

Горожане давно спали. Лишь несколько фонарей у дверей домов едва мерцали тусклым светом. В траве не было слышно даже стрёкота цикад — город окутала мёртвая, удушливая тишина.

В тених, куда не достигал лунный свет, казалось, затаилось нечто жуткое, выжидающее одинокую жертву. От одной этой мысли по спине Цзянь Мянью пробежал холодок. В довершение всего единственный фонарь справа от него внезапно погас от порыва ветра, и юноша чуть не подпрыгнул на месте от испуга.

Как человек, выросший в современном мире, он питал инстинктивный страх перед призраками, особенно зная, что в этой реальности они — пугающая правда.

Он невольно придвинулся ближе к Цинь Уцзю.

Тот внезапно замер. Сердце Цзянь Мянью пропустило удар. Заметил?

— Я не то чтобы боюсь, просто как-то... — начал он оправдываться, но не успел договорить.

Цинь Уцзю резко выбросил руку вперёд. Порыв ветра ударил в темноту, раздался болезненный вскрик, и к ногам Цзянь Мянью из теней выкатился человек.

Это оказался мальчишка лет двенадцати. Длинная нечесаная чёлка закрывала глаза, а

грязные обноски выдавали в нём уличного попрошайку.

Цзянь Мянью ещё при входе в город почувствовал за ними слежку. Именно поэтому он предложил выйти ночью — чтобы выманить таинственного соглядатая. Он не ожидал, что им окажется обычный сопливый мальчишка.

Удар, должно быть, вышел болезненным. Подросток долго не мог подняться, а когда увидел ледяное лицо Цинь Уцзю, в ужасе застыл и вдруг во весь голос заголосил.

В ночной тишине этот плач прозвучал подобно грому. У Цзянь Мянью голова пошла кругом. Он замахал руками, призывая сорванца замолчать: местные и так на взводе, от такого вопля у кого-нибудь сердце не выдержит.

— Замолкни! — холодно бросил Цинь Уцзю.

Мальчишка тут же осекся, хотя слёзы продолжали градом катиться по щекам. Он так сильно всхлипывал, что Цзянь Мянью всерьёз опасался, как бы тот не лишился чувств.

Цинь Уцзю, казалось, терял терпение. Он слегка шевельнул рукой. Заметив это, Цзянь Мянью поспешно перехватил его запястье.

— Я сам с ним разберусь, — прошептал он и повернулся к маленькому нищему. — Не плачь, мы тебя не тронем. Зачем ты шёл за нами?

Маленький попрошайка исподлобья взглянул на Цинь Уцзю и, убедившись, что тот не собирается его бить, пробормотал:

— Я... я голодный был, а денег нет. Увидел, что вы богато одеты, подумал — денег много, хотел попросить немного... — Он замолчал, утирая слёзы грязным кулаком.

Вот оно что.

В лунном свете Цзянь Мянью разглядел, насколько тот худ. Кожа да кости, явный признак долгого голода. Сердце юноши дрогнуло от жалости, и он решил забрать мальчишку на постоянный двор.

В трактире малец вёл себя скованно: сидел на краешке стула, не смея поднять глаз, и нервно ковырял заусенцы.

Но стоило подать еду, как аромат свежего мяса вытеснил всякий страх. Он набросился на паровые булочки с такой жадностью, что пять-шесть штук исчезли в один миг. С трудом проглотив последний кусок, он вытер рот, икнул, воровато глянул на Цзянь Мянью и, схватив

ещё две булочки, пулей вылетел за дверь.

Трактирный служка, несший горячий бульон, чуть не попал под этот вихрь. Пошатнувшись, он расплескал часть отвара на руку и сердито выругался:

— Глаза разуй, паршивец!

В мгновение ока мальчишка скрылся из виду.

Цзянь Мянью понимал, что удержать его было невозможно — страх оказался сильнее голода.

— Он один на улице... с ним ничего не случится? — обеспокоенно спросил он.

Служка подул на обожжённую кисть.

— Не беспокойтесь, господин. Этот малец — сирота, дикий, как лесной зверёныш. Спит под мостом в восточной части города, и за целый год с ним ничего не случилось. Кому нужна его никчёмная жизнь? Он весь в грязи да вшах, небось и нечисть им брезгует.

Цзянь Мянью не понравились эти слова, но спорить он не стал.

Всё это время Цинь Уцзю сидел молча, но теперь поднялся и направился к лестнице, словно утомившись. Цзянь Мянью последовал за ним и вошёл в его комнату.

Цинь Уцзю обернулся и замер, вопросительно глядя на него.

— Шишу Цинь, — замялся Цзянь Мянью, запуская пальцы в волосы. — Ты ведь наложил на него заклятие поиска?

Когда мальчишка выбегал из дверей, Цинь Уцзю даже глазом не повёл, но он заметил, как с его ладони сорвалась едва заметная искра и растворилась на спине беглеца.

Вместо ответа Цинь Уцзю просто раскрыл ладонь. В воздухе затрепетала тонкая серебристая нить, указывающая направление.

Цзянь Мянью слышал от учителя Ли Цина, что это заклятие — вершина искусства слежки. Оно привязывается к самой душе, и от него не скрыться ни на краю света, ни в пучинах преисподней. Шицзунь говорил об этой технике как о легенде, которую сам никогда не видел. Оказывается, младший шишу владел ею в совершенстве.

В душе юноши шевельнулась зависть, но в ней не было корысти.

Даже если бы Уцзю помнил его, Цзянь Мянью не стал бы расспрашивать о секретных техниках, а уж сейчас — и подавно.

Убедившись, что мальчишка в безопасности, Цзянь Мянью хотел было уйти, но Цинь Уцзю внезапно произнёс:

— Подойди.

Цзянь Мянью замер в недоумении, но послушно подошёл.

— Шишу Цинь?

Цинь Уцзю коснулся его лба прохладным кончиком пальца.

Перед глазами Цзянь Мянью медленно развернулся старинный свиток, над которым засияли три золотых иероглифа: «Заклятие поиска».

— Я получил его случайно, — небрежно заметил Цинь Уцзю, будто не дарил только что бесценную тайную технику. — Список был неполным, я восстановил его сам. Раз тебе любопытно — изучай.

Радость была столь внезапной, что Цзянь Мянью на миг онемел.

— Спасибо, шишу Цинь! — наконец просиял он.

Цзянь Мянью всегда схватывал всё на лету. Не прошло и четверти часа, как он постиг суть заклатья.

Техника Уцзю требовала поддержки магического массива. Растопырив пальцы, он принялся чертить символы. Выходило не так легко и изящно, как у мастера, но в конце концов массив вспыхнул бледным светом.

Щелчком пальцев он отправил заклатья поиска прямо на правое запястье Цинь Уцзю, где оно мгновенно растаяло.

Цинь Уцзю опустил взгляд на свою руку, но не рассердился на то, что юноша использовал его как подопытного.

Цзянь Мянью, поглощённый радостью от нового умения, даже не заметил некоторой двусмысленности своего поступка. Пожелав спутнику доброй ночи, он лёгким шагом покинул комнату.

Оставшись один, Цинь Уцзю коснулся правого предплечья. Словно из пустоты, он извлёк тончайшую сверкающую нить.

Её другой конец тянулся сквозь стену, уходя к юноше в соседней комнате.

Цинь Уцзю задумчиво перебирал эту нить пальцами — то натягивая её до предела, то отпуская. Наконец он оставил её в покое, и одним взмахом рукава погасил лампу.

<http://bllate.org/book/17489/1711517>